

**РУС
СКАЯ
ПРАВ
ДА**

ВАДИМ

КОЖИНОВ

ОСНОВЫ

НАЦИОНАЛИЗМА

Русская правда

Вадим Кожин

Основы национализма

«Алисторус»

2012

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)8

Кожинов В. В.

Основы национализма / В. В. Кожинов — «Алисторус»,
2012 — (Русская правда)

Книга выдающегося деятеля русской культуры, автора эпического исторического труда «История Руси и русского Слова», Вадима Валериановича Кожинова, посвящена современному состоянию России и ее историческим перспективам. В сборник включены самые известные публикации и интервью знаменитого литературоведа, критика и историка второй половины XX века. Книга адресована самым широким слоям читающей публики.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)8

© Кожинов В. В., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

Рыцарь России	6
Почему произошло крушение СССР?	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вадим Валерианович Кожин

Основы национализма

© Кожин В. В., наследники, 2012

© Крупнов Ю. В., состав, 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Рыцарь России

1

В тяжелые годы середины 1990-х мне посчастливилось познакомиться с литератором (как он часто просил себя называть) Вадимом Валериановичем Кожинным.

Он сразу поразил меня своим всепоглощающим служением России и непрерывной жизнью Россией.

Оказалось, что в его маленькой, обставленной книжными полками гостиной в центре Москвы на Большой Молчановке происходила системная работа по восстановлению русского самосознания – поэтому через несколько встреч с ним возникло ощущение, что, входя к Кожинному, попадаешь в чудесный реактор по конфуцианскому исправлению имен и наведению вселенского порядка.

Очень быстро стало понятно, что скромный «литератор» является выдающимся историком и мыслителем.

Однако только сейчас начинаю осознавать подлинный масштаб и величие личности Кожинного, вне всяких сомнений, стоящего в ряду таких русских мыслителей как Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов, и грандиозность его замыслов и Дела.

Вера в Россию

Вадим Валерианович любил напоминать известнейшие и вместе с тем редко кем понимаемые строки Федора Ивановича Тютчева (которого, между прочим, как не только гениального поэта, но и гениального историкософа и геополитика подарил нам не кто иной, как Кожин в книге «Пророк в своем отечестве»): «В Россию можно только верить».

Все творчество Вадима Валериановича показывает нам, что Россия жива, пока мы в нее верим, что именно наша вера в Россию, личная вера каждого из нас, воссоздает и перевоссоздает заново нашу Россию. Пусть вокруг тебя перестанут верить в Россию, думать про нее – а ты стой и верь, поскольку может быть только твоей одной верой в этот момент она и будет держаться, являя миру идеалы Христа, справедливого миропорядка и жизни по правде.

Как показал Кожин, это определяется уникальным устройством исторического бытия России, которое не существует натурально, как факт (здесь он ссылаясь на мнение К. Маркса), а исключительно в процессе сменяющихся гибели и воскрешения.

Не случайно замечательный пушкиновед и писатель Валентин Семенович Непомнящий, на которого Вадим Валерианович всегда ссылаясь, которого он цитировал и «продвигал», анализируя творчество Пушкина, определил русский тип культуры и начало нашей цивилизации как пасхальные.

Интеллектуальный и писательский подвиг Кожинного и заключается в том, что он через блестящий и изящный, энциклопедический и точный анализ ключевых этапов русской истории и культуры показал эту череду смертей и воскрешений России, как будто предназначенной Господом исполнять правило «смертию смерть поправ», – воскрешая себя и мир.

Это касается и анализа былин как формы исторической памяти народа о моменте рождения Русской Государственности через победу над Хазарским каганатом, и подвига на Куликовом поле, где русские не просто отстояли свое самобытное бытие, но и сделали себя законными преемниками не только Царства Ромеев, Византийской «империи», но и Ордынского Царства,

¹ Опубликовано: «Русский дом» № 7 (июль), 2010 г.

монгольской «империи» Ихэ Монгол Улус, и воскрешением после Смуты, Раскола и реформ Петра Великого. Читайте и прорабатывайте кожиновскую «Историю Руси и Русского Слова»!

И только Кожин смог в другом своем капитальнейшем труде «Россия. Век XX» объять умом и сердцем весь прошлый наш век, показать и гибель, и воскрешение России, и очередную гибель, и заложить незыблемый идейный фундамент для следующего воскрешения.

Вера в Россию и подготовка ее очередного воскрешения – суть мировоззренческой работы и историософии Вадима Валериановича.

Не случайно через все работы Кожина проходит идея прерывистости нашей российской истории, когда в считанные дни государства разваливались как бы сами собой, исчезали в небытие, и вместе с ними, казалось, навсегда умирала Россия, когда в ту же Революцию 1917 года любой «объективный» наблюдатель по всем параметрам должен был констатировать гибель страны и государственности.

Как представляется, здесь во многом на будущее крайне важно разрабатывать идеи прерывистости, соединяя с введенным Владимиром Эрном представлении о катастрофическом прогрессе.

Наша История – по определению трагична, прерывиста и даже катастрофична. Это, по Вадиму Валериановичу, данность, с которой незачем спорить, из которой следует исходить.

Отсюда задача русских – всем напряжением сил готовить следующее воскрешение России, веря в Россию и работая на ее государственность.

Никогда не забуду, как в очередной раз войдя в квартиру Кожина в 1998-м, кажется, году я тут же был усажен (буквально усажен, за руку и с напором) перед видеопроигрывателем. «Вот, смотрите, смотрите, – восклицает Вадим Валерианович, стараясь быстрее запустить видеозапись на еле дышащем приборе, – вот эти молодые люди из студии Александра Васина каждый год 9 мая собираются у Большого театра и поют лучшие военные и свои песни! Каждый год! И посмотрите, как они поют, вот, смотрите, как вокруг собираются люди и поют вместе с ними... Разве это не чудо?!»

Помимо того, что Кожин был буквально «одержим» возвышением других (разумеется, достойных) людей, в которых он видел русский гений и веру в Россию (чего только стоит его «промоушн» таких величин как Михаил Михайлович Бахтин, Николай Михайлович Рубцов, Анатолий Константинович Передреев, Юрий Поликарпович Кузнецов!), помимо безграничной душевной щедрости Кожина, в этом, тогда рядовом, эпизоде для меня сегодня весь Вадим Валерианович Кожин и его учение о вере в Россию.

Стой как они стоят, работай на страну, зижди традицию – Россия воскреснет и уже скоро опять преобразит и поразит саму себя и весь мир...

Дело преображения

Что же может являться для русских залогом исторического оптимизма и следующего воскрешения и процветания России?

По Вадиму Валериановичу – это великое Русское Слово, рождаемое из всемирных деяний Российской Государственности, составляющих в совокупности русский народ и единую Русскую Историю.

Эта доктрина Кожина, созданная им благодаря его базовому профессионализму как литературоведа и работе в знаменитом ИМЛИ, имеет основополагающее значение для исторического анализа и проектирования наших собственных действий. В своем понимании российского самобытного исторического процесса Вадим Валерианович вышел за пределы ведомственного литературоведения (в котором, к примеру, предпочел остаться С. С. Аверинцев), распрямил науку, не утерав ее достижений и методов.

В самом деле, выделяя вершинные достижения культуры, как собственно словесные (былины, «Слово о Законе и Благодати», «Палея Толковая», поэзию Пушкина и русскую литературу XIX–XX веков, военные песни Великой Отечественной войны), так и иные (иконопись, советская наука и техника) Кожин предельно ясно выводит через них на героические периоды нашей истории в целом и раскрывает соответствующие вершинам Слова вершинные деяния нашего народа и государственности.

При этом речь идет не о механическом сосуществовании и соотношении двух этих рядов – Государственности и Слова – а об их тесной и взаимопробуждающей связи.

Кожин сумел в своих работах осязаемо, технологически основательно и даже объективистски продемонстрировать евангельское «в начале было Слово».

Ибо Слово – принцип, который, определяя самосознание и идентичность, зиждет, движет и преображает мир; русская культура как Фаворским светом пронизывает собой наше историческое бытие и позволяет творить и быть.

Отсюда такое значение поэзии как самой концентрированной формы культуры, указание на ее определяющее значение в русском духе (труды Кожина «Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта», «Главная основа отечественной культуры», «Как пишут стихи. О проблемах поэтического творчества»), любовь и проникновенное знание русской песни («главной основы русской культуры»), русского певческого голоса, как и у Аполлона Григорьева благоговение перед цыганской гитарой (пишу это и опять поражаюсь широте и спектру интересов Вадима Валерияновича, как непросто хотя бы перечислить, не то что охватить, все, что он не только любил, но и глубоко исследовал и продвигал!).

Неоценимый вклад Вадима Валерияновича во введении в широкий «оборот» таких выдающихся произведений русского духа как «Слово о Законе и Благодати» и «Палея Толковая», воскрешение из, по сути, из небытия Бахтина и публикация его работ, разнообразная помощь лучшим нашим поэтам второй половины XX века.

По Кожину, поэзия и есть жизнь, никакой другой жизни нет и быть не может. И в проживаемых нами годах собственно жизни есть ровно настолько, насколько есть поэзии – понятно, в любой, не только стихотворной форме.

Более того, именно несовпадение поэтического образа и «действительности» (здесь, думаю, много идет от Бахтина) двигает и преображает бытие, воспроизводит жизнь.

В книге «Как пишут стихи» Кожин утверждает эту преображающую суть поэзии-жизни: «Поэт не может не начинать каждый раз заново, исходить каждый раз не из предшествующих стихов, а из самой своей жизни – как будто он переливает ее в теле стиха впервые. А затвердевающие приемы уже выработанного мастерства препятствуют этому. И тогда вместо творческого поведения стихи запечатлевают искусственную позу, вместо живых движений – заученную жесткую жестикуляцию».

Как представляется, гений Кожина, всеми его трудами, гигантским внелитераторским общением и работой, старающийся вывести принцип прерывистой, но единой русской истории, соединить государственность, православие и бесконечно ценный советский опыт достижения военно-индустриального суверенитета породил феномен идеологии преображения, который крайне необходимо нам разрабатывать и дальше.

Творческий подвиг Кожина задает нам современную цивилизационную основу России на долгие годы (может, на столетие и больше) вперед, что очень напоминает мне феномен теологии освобождения, которая в качестве принципа становящейся Иberoамериканской цивилизации была порождена частью католического клира Латинской Америки во второй половине прошлого века в ситуации необходимости решения проблемы социальной справедливости, зависимости и колониализма.

Русский век

Вадим Валерианович ушел от нас 25 января 2001 года, в самом начале нового столетия и тысячелетия, как бы удовлетворившись тем, что предыдущий век закончился. Говорю это вполне серьезно, поскольку, так случилось, в 2000 году несколько раз спорили с ним о том, когда именно начинается новое тысячелетие, в 2000 или 2001 годах. Тогда эти дискуссии, порой, очень жаркие, мне представлялись достаточно случайными, дотошностью влюбленного в историю человека, теперь же понимаю, что ему было принципиально важно знать точное время окончания века, чтобы достоверно и лично подвести итоги ушедшего вместе с ним XX века.

Это глубоко символично – одна из решенных им сверхзадач, как я уже упоминал, состояла именно в том, чтобы наш страшный и прекрасный российский XX век, свидетелем которого он, родившись в 1930 году, являлся, передать нам (во всех своих трудах и в фундаментальном «Россия. Век XX») во всем его трагическом и многомерном величии как бесценный дар, крепкую опору для нашего следующего воскрешения и развития страны.

Не имевший никаких подарков от советской власти, принадлежа во многом к чуждому советизму и хранящему память о дореволюционной России слою людей, объективно и без прикрас освещая советский период, Кожин никогда и ни в одной своей строке не был антисоветчиком.

Это определяется в частности тем, что Вадим Валерианович, увидев российскую историю как прерывистое движение с бедами и победами (эта диалектика разыграна в книге «Победы и беды России»), гибелью и воскрешением страны, нашел поразительное решение для достижения максимальной беспристрастности своего исследования советской истории.

Поскольку любое историческое знание, по определению, не может быть вне точки зрения, позиции, Кожин выбрал себе позицию не выигравших и не проигравших в той страшной гражданской войне, а тех, кто, как он доказывал, и не мог выиграть или даже проиграть – «черносотенцев» (здесь необходимо изучать его глубочайшую работу «Черносотенцы и Революция», в которой детально и предельно доказательно произведена реабилитация «черносотенцев» и восстановлены честные имена их деятелей).

В результате такого оригинального мыслительного хода, отражающего его абсолютный слух в восприятии нашей истории, Кожин со всей отчетливостью выступил против примитивного, но преобладающего толкования Революции как волюнтаристского и антигосударственного действия горстки большевиков.

По Кожину, главным разрушительным моментом Революции и фактором распада страны стал не Октябрь, а Февраль 1917 года, когда «прогрессивная общественность» с псевдолиберально-западническими идеями с вождением уничтожила Российскую Империю. Таким образом, действующих сил в 1917 году было не две: «старый порядок» и большевики, а три: проигравшие монархисты и монархия, победившие в Феврале (их Кожин убийственно точно назвал «детьми Февраля») и практически ни на что не влияющие тогда большевики.

Почему это – сверхважное знание? Потому что оно позволяет совестливым людям правильно определяться. Ты монархист – замечательно, выступай тогда не только против большевиков, но и, прежде всего, против детей Февраля. Но нельзя, не издеваясь над исторической правдой и собственным сознанием, заявлять себя монархистом и выступать на стороне «белых».

Здесь и работает точное знание Кожина: «Вопрос о Белой армии необходимо уяснить со всей определенностью... Никак нельзя оспорить того факта, что все главные создатели и вожди Белой армии были по самой своей сути «детьми Февраля».

А ведь именно этот «перевод стрелок с Февраля на Октябрь лежит в основе антисоветизма, самого разрушительного на сегодня учения, которым значительная часть элиты беспощадно добивает страну и Российскую Государственность.

Грядущее воскрешение России невозможно без того, чтобы понять и принять наш XX век весь целиком, чтобы осуществить преемственность с советским периодом нашей единой Истории. Переоценить в этом деле значение кожиновской мысли, его работ – невозможно.

Спасибо Вам, дорогой Вадим Валерианович, за Ваш подвижнический труд. Мы еще много раз перечитаем Ваши труды, услышим Ваше оригинальное Слово и сделаем XXI век русским.

Ю. Крупнов

Почему произошло крушение СССР?

Почти невероятно быстрое и в сущности не вызвавшее фактического сопротивления крушение великой державы чаще всего стремятся объяснить нежизнеспособностью ее экономического и политического устройства, – хотя одни авторы утверждают, что нежизнеспособен социализм как таковой, ибо он представляет собой насильственно «реализованную» утопию, а другие видят в том строе, который установился после 1917 года, извращенную форму социализма, подменившую «творчество самих народных масс» (определение, употреблявшееся В. И. Лениным) партийно-государственным диктатом (правда, имеют место и объяснения краха СССР поражением в «холодной войне» с Западом, но об этом речь пойдет ниже).

Однако такого рода толкования порождают серьезные сомнения, как только мы вспомним, что за три четверти века до краха СССР совершился поистине мгновенный и не пробудивший сопротивления крах Российской империи. Василий Розанов с характерной для него «лихостью», но верно писал о февральском перевороте 1917 года: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом, ничего».

А один из активнейших участников этого переворота, В. Б. Станкевич, не без известного изумления вспоминал в 1920 году, что в феврале имел место даже «не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений». Из этих характеристик между прочим явствует, что происшедшее в 1917 году было все же гораздо менее катастрофическим, нежели в 1917 году... Стоит еще привести суждения французского посла в России в 1914–1917 годах Мориса Палеолога (между прочим, потомка последнего императора Византии). На Западе, писал он, «самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение. Все разом рушится, все – образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 57).

Сегодня, впрочем, имеются идеологи (например, всем известный Гайдар), с точки зрения которых дореволюционная «самодержавная» Россия также являлась нежизнеспособным феноменом, и, следовательно, ее мгновенный крах был столь же естественным. Но поскольку едва ли уместно считать экономические и политические устройства, существовавшие до 1917 и после него, однотипными, истинная причина двух аналогичных крушений кроется не в этих устройствах, а, надо думать, в чем-то другом.

Убедить в первостепенном значении этого «другого» нелегко, ибо в общественное сознание с давних пор внедрялось именно экономико-политическое объяснение хода истории, которое еще в конце XVIII века начало складываться в России под воздействием западноевропейской идеологии (отнюдь не только марксистской; сам Карл Маркс не раз признавал, что, например, понятие о «классовой борьбе» как движущей силе истории сложилось задолго до появления его сочинений).

На вопрос о том, почему в феврале 1917 года произошло крушение Российской империи, многие и сегодня ответят, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, разрушили эту империю, ибо она жестоко «эксплуатировала» и «угнетала» их.

Но как это совместить с тем несомненным фактом, что в крушении Империи более значительную роль, чем какие-нибудь пролетарии и крестьяне, сыграли, например, начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, или командир Гвардейского морского экипажа великий князь (двоюродный брат императора) Кирилл Владимирович, или член Государственного Совета, крупнейший предприниматель (владевший громадным по тем временам капиталом в 600 тысяч руб.) А. И. Гучков?

Аналогичное положение имело место и через три четверти века: роль в крушении СССР члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, или кандидата в члены Политбюро Б. Н. Ельцина, или академика, трижды Героя Соцтруда А. Д. Сахарова, конечно же, несравнима с ролью каких-либо рабочих и колхозников...

И другая сторона дела: «эксплуатация» и «гнет», скажем, за пятьдесят лет до 1917 года, то есть при крепостном праве, и за те же шестьдесят лет до 1991-го, в период индустриализации и коллективизации, были, без сомнения, гораздо тяжелее, чем в канун обоих крушений, но власть в стране держалась тогда достаточно прочно.

Наконец, – и это опять-таки многозначительно – оба вроде бы столь грандиозные крушения привели к очень малому количеству человеческих жертв; никакие действительные «сражения» между сторонниками Российской империи и, впоследствии, СССР и их противниками не имели места. Мне напомнят, конечно же, что после краха Российской империи началась убийственная гражданская война, а после крушения СССР – цепь различных кровавых конфликтов. Однако это уже явно совершенно другая проблема.

Множество неоспоримых фактов убеждают, что гражданская война 1918–1922 годов шла не между сторонниками рухнувшей Империи и ее противниками, а между теми, кто пришли к власти в результате Февральского переворота, и свергнувшими их в Октябре большевиками. Показательно, что белых называли также кадетами (по названию партии, игравшей первостепенную роль в Феврале). Наконец, самое весомое место в гражданской войне занимали мощные восстания или хотя бы бунты крестьянства, которое, вовсе не желая возврата к Империи, не желало подчиняться «новым» – красной и, равным образом, белой – властям. И следует осознать, что в советской историографии белым безосновательно приписывали цель восстановления «самодержавия» – ради их компрометации (см. подробное изложение существа дела в моей книге: Россия. Век XX. 1901–1939. Опыт беспристрастного исследования. М., 1999).

Вполне аналогично после 1991 года приписывают «реваншистское» стремление восстановить тоталитарный СССР всем оппозиционным по отношению к новой власти силам; именно так трактуется, например, принесший жертвы конфликт в октябре 1993 года у так наз. Белого дома. При этом игнорируется тот бесспорный факт, что большинство людей, возглавлявших тогда «защиту» Белого дома, начиная с А. В. Руцкого и Р. И. Хасбулатова, всего двумя годами ранее, в августе 1991-го, «защищали» тот же «дом» от пытавшегося сохранить СССР так наз. ГКЧП!

Такой оборот дела по меньшей мере странен, и едва ли можно понять суть происходившего в 1991-м и последующих годах, основываясь на анализе событий самого этого времени; то, что совершилось тогда, как представляется, имело очень глубокие корни в отечественной истории.

* * *

Как уже отмечено, наиболее широко распространенные толкования истории России с давних пор и во многом опираются на ту методологию, которая была выработана на «материале» истории Запада (в том числе марксистскую), хотя русские люди наивысшего духовного уровня не раз утверждали, что подобный подход к делу заведомо несостоятелен.

Я имею в виду вовсе не каких-либо «славянофилов» или «почвенников». Так, не могущий быть причисленным к ним Пушкин настоятельно призывал: «Поймите же... что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, что история ее требует другой мысли, другой формулы». Крупнейший мыслитель пушкинской поры Чаадаев (который, кстати, слышит «западником») безоговорочно утверждал, что «мы не Запад», что «Россия не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... И не говорите, что мы молоды, что мы отстаем от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или

XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов... и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое».

Впрочем, обратимся к конкретным проявлениям «своеобразия» России. Все знают «формулу», которую в конце жизни дал Пушкин (и даже «чувствуют» ее глубокий смысл, – хотя редко вдумываются в него): «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Поставив эпитеты после слова «бунт», Пушкин тем самым усилил и заострил их значение. «Бессмысленный» – то есть, по сути дела, бесцельный, не ставящий перед собой практических задач, а «беспощадный» – значит, уничтожающий все попавшееся под руку, – в частности, то, что, без сомнения, могло бы быть использовано бунтовщиками в своих интересах (так, бунтующие крестьяне сжигали массу благоустроенных поместий).

Речь идет именно о русском бунте, ибо, например, даже, казалось бы, совсем «дикий» бунт английских луддитов конца XVIII – начала XIX веков, уничтожавших изобретенные тогда машины, имел вполне определенные прагматические цели – возвращение на предприятия безработных, вытесненных механизацией, и восстановление той более высокой заработной платы, которую давал ручной труд.

Правда, во множестве сочинений и «русские бунты» толкуются как целенаправленная борьба трудящихся масс за улучшение своего социально-экономического положения, вызванная особо возросшими перед каким-либо из этих бунтов «эксплуатацией» и «гнетом». Но едва ли есть серьезные основания полагать, что самые мощные из этих бунтов – «болотниковщина» (1606–1607 годы), «разинщина» (1670–1671), «булавинщина» (1707–1709), «пугачевщина» (1773–1775) (зачинщиками всех этих бунтов была обладавшая оружием «казацкая вольница», которая до конца XVIII века в сущности видела в русском государстве своего врага, но бунты приобретали широкий и мощный характер лишь при условии, что к ним присоединялась более или менее значительная часть населения России) – разражались в силу резкого увеличения этих самых «эксплуатации» и «гнета», которые будто бы были намного слабее в периоды между бунтами.

Один из наиболее проницательных отечественных историков, В. О. Ключевский, утверждал, что истинной причиной булавинского бунта (как и других бунтов Смутного времени) «было насильственное и таинственное пресечение старой династии и потом искусственное восстановление ее в лице самозванцев» (Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956–1959, т. 3, с. 49). То есть суть дела заключалась в недоверии широких слоев населения к наличной власти.

О разинщине и других бунтах времени царя Алексея Михайловича Ключевский писал: «В этих мятежах резко вскрылось отношение простого народа к власти... ни тени не то что благоговения, а и простой вежливости и не только к правительству, но к самому носителю верховной власти» (там же, с. 240), что было вызвано церковной реформой 1653–1667 годов, которая, по убеждению значительной части народа, отвергла истинное Православие. Далее, «стрелецкие, астраханский, булавинский» бунты Ключевский неразрывно связывает с народным представлением о Петре Великом как «антихристе».

Что же касается пугачевщины, Василий Осипович дважды и весьма развернуто омыслил ее причины. Основное можно вкратце изложить следующим образом. До Петра I включительно крестьянство «служило» дворянству а последние – царю, то есть государству. Но ко времени Екатерины II дворянство в сущности перестало быть «служилым» сословием, и, как писал Ключевский, «крепостное право... потеряло прежний смысл, свое главное политическое оправдание» (с. 141); новое положение вещей воспринималось населением как «незаконное» и подлежащее исправлению путем также «незаконных восстаний» (с. 181), – хотя, конечно, немаловажное значение имело объявление Пугачева, сумевшим спастись от гибели, законным царем Петром III, который и призван покончить с «незаконностью».

Вполне естественно, что в «марксистских» комментариях к цитируемому изданию 1950-х годов Ключевский был подвергнут весьма жесткой критике за непонимание «социально-экономических «причин болотниковщины (см. т. 3, с. 367), разинщины (там же, с. 365), булавинщины (т. 4, с. 363), и пугачевщины (т. 5, с. 397). Но Ключевский обосновал свои выводы многочисленными и многообразными фактами, и, как уже отмечено, вряд ли можно доказать, что именно в канун всех этих бунтов «эксплуатация» и «гнет» приобретали крайний характер. Величайший наш поэт-мыслитель Тютчев дал полную глубокого значения «формулу»: «В Россию можно только *верить*» (при цитировании тютчевский курсив часто неоправданно игнорируют).

Обычно эту «формулу» воспринимают в чисто духовном аспекте: в отличие от других стран (Тютчев, без сомнения, имел в виду страны Запада), совершающееся в России нельзя объяснить рационально («умом») и остается только верить (или не верить) в нее. Но, как мы видели, Ключевский по сути дела толковал мощные бунты как плоды именно утраты веры в наличную Россию. И, конечно, особенно важен и впечатляющ тот факт, что в нашем столетии, в 1917 и в 1991 годах, страна претерпела крах не из-за каких-либо мощных бунтов (кровавые конфликты имели место позднее, уже при «новых» властях), а как бы «беспричинно».

Это уместно истолковать следующим образом. Если при всей мощи бунтов XVII–XVIII веков веру в наличную Россию утрачивала тогда определенная часть ее народа, то в XX веке это произошло с преобладающим большинством населения страны, – притом, во всех его слоях. Ничего подобного нельзя обнаружить в истории Запада, – как не было там и мощных «бессмысленных» бунтов. Тем не менее, многие идеологи, закрывающие глаза на эти поистине уникальные «феномены» истории России, пытаются толковать ее согласно европейским «формулам».

Восстания и революции на Западе, о чем уже говорилось, преследовали, как правило, конкретные практические цели. Вот чрезвычайно показательное сопоставление: в 1917 году российского императора побудили отречься от престола уже на третий день после начала переворота, между тем во Франции после мощного восстания 14 июля 1789 года, поскольку определенные прагматические требования восставших были выполнены, король оставался на престоле более трех лет – до 10 августа 1792 года.

Напомню цитированные выше суждения французского посла Палеолога о том, что на Западе даже «самые полные изменения» совершаются «постепенно», а в России рушится разом все.

* * *

Как уже было отмечено, иные нынешние идеологи объявляют Россию вообще «ненормальной», «нежизнеспособной» страной, что, мол, и выразилось в мгновенных крушениях 1917 и 1991 годов. Однако нет оснований относиться к подобным воззрениям как к чему-то серьезному. Страна, чья государственность возникла на рубеже VIII–IX веков, то есть существует 1200 лет, страна, которая уже при Ярославе Мудром, то есть в первой половине XI столетия, занимала территорию, почти равную всей остальной территории Европы, страна, которая породила преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева, воплотивших в себе то, что с полным основанием зовется «Святой Русью», страна, победившая захватившие ранее почти всю остальную Европу армии Наполеона и Гитлера, страна, создавшая одну из величайших мировых культур, (вспомним хотя бы несколько имен творцов русской культуры, которые обрели наивысшее признание во всем мире: Достоевский, Толстой, Чехов, Шолохов, Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Шаляпин, Станиславский, Менделеев, Иван Павлов, Капица, Владимир Соловьев, Бердяев, Бахтин) может предстать «нежизнеспособной» с точки зрения чисто «западнических» идеологов, но не реально. Россия не являет собой некое отклонение от западной «нормы»; ее история, по слову Пушкина, «требует другой формулы»; в России, по

определению Чаадаева, «другое начало цивилизации». Иначе, собственно, и не могло быть в силу поистине уникального характера фундаментальных основ бытия России, о которых шла речь в предшествующей главе моего сочинения – «Можно ли жить по-европейски в русский мороз?» (см. «Фактор» № 1/2000 г.), Во-первых, в тех географических и геополитических условиях, в которых сложились наши государственность и культура, не возникла ни одна другая цивилизация мира, во-вторых, только Россия с самого начала своей истории являет собой евразийскую страну. Между прочим, уже Чаадаев осознал, что «оригинальная Русская цивилизация» – плод слияния «стихий азиатской и европейской», и что монгольское нашествие из Азии «как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогало ей развиваться и созреть» (Чаадаев П. Я. Поли, собр. соч. и писем. М., 1991, т. 2, с. 161, 541).

Не в первый раз я опираюсь на суждения Чаадаева, а также его младшего современника Пушкина, и не исключено, что у кого-либо возникнет определенное недоумение: почему первостепенное значение придается суждениям людей, явившихся на свет более двух столетий назад? Не вернее было бы обратиться к позднейшим выразителям отечественного самосознания? Однако мировосприятие Чаадаева и Пушкина, сложившееся в частности, до раскола русских идеологов на славянофилов и западников, имеет во многом утраченный впоследствии целостный, не деформированный противостоящими пристрастиями характер. Ни Пушкин, ни Чаадаев не впадали в тот – по сути дела примитивный... – «оценочный» спор, который начался в «роковые сороковые годы» (по выражению Александра Блока), длится до сего дня и сводится в конечном счете к решению вопроса: что «лучше» – Европа или Россия? Чаадаев и Пушкин, как ясно из всего их наследия, полагали, что Россия не «лучше» и не «хуже»; она – другая.

Конечно, если мерить Россию с точки зрения европейских «норм», она неизбежно предстанет, как нечто «ненормальное». Так, например, в Англии еще с XIII (!) века существовал избираемый населением парламент, по воле которого принимались законы, а на Руси слишком многое зависело от воли – или, как обычно говорится, произвола – великих князей и, позднее, царей, – в особенности, конечно, Ивана IV, получившего прозвание «Грозный».

В новейших тщательных исследованиях Р. Г. Скрынникова «Царство террора» (1992) и Д. Н. Алыпца «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного» (1988) доказано, что при этом царе была казнена от 3 до 4 тысяч человек, преобладающее большинство которых – новгородцы, обвиненные в измене, так как обнаружилась «грамота», согласно которой Новгородская земля намеревалась отдаться под власть короля Польши Сигизмунда II. Р. Г. Скрынников полагает, что это была фальшивка, изготовленная «за рубежом то ли королевскими чиновниками, то ли русскими эмигрантами» (с. 367), но Иван IV поверил ей, и по его повелению началась расправа над новгородцами.

И вот многозначительное сопоставление. Как раз накануне царствования Ивана Грозного в Англии правил король Генрих VIII, получивший прозвание «Кровавый» (хотя английские историки почти не употребляют это прозвание). При нем, в частности, 72 тысячи человек были казнены за бродяжничество, которое тогда приобрело массовый характер, ибо многие владельцы земель сгоняли с них арендаторов-хлебопашцев, чтобы превратить свои земли в приносящие намного более значительную выгоду овечьи пастбища. Эти казни не были проявлением королевского произвола: закон, по которому пойманного в третий раз бродягу немедленно вешали, принял избранный населением парламент, и, как говорится, суров закон, но закон...

Можно, конечно, согласиться с тем что произвол чреват более тяжкими последствиями, чем закон, ибо с легкостью может обрушиться на ни в чем не повинных людей. Но ведь и людей, ставших бродягами из-за «перестройки» в сельском хозяйстве Англии, уместно считать ни в чем не повинными... А между тем по одному только закону о бродяжничестве за 28 лет правления Генриха VIII было казнено примерно в двадцать (!) раз больше людей, чем за

37 лет правления Ивана IV (притом, количество населения Англии и Руси было в XVI веке приблизительно одинаковым).

Поэтому есть достаточные основания признать, что власть закона нельзя рассматривать как своего рода безусловную, непререкаемую ценность, – хотя многие люди убеждены в обратном и видят абсолютное превосходство Запада в давно утвердившейся там власти закона.

При этом многие полагают, что именно «дефицит» законности, присущий с давних времен России, привел к громадным жертвам в годы революции. Но это несостоятельное мнение, ибо любая «настоящая» революция означает откровенный отказ и от законов, и от моральных норм. И из объективных исследований Английской революции XVII века и Французской VIII – начала XIX явствует, что их жертвы составляли не меньшую долю населения, чем жертвы Российской. Столь же несостоятельно очень широко пропагандируемое (этим еще с 1960-х годов занимались так называемые правозащитники) мнение, согласно которому утверждение власти закона в нашей стране само по себе сделало бы ее подобной Западу. В действительности все обстоит гораздо сложнее.

* * *

Самое, пожалуй, главное отличие России от Запада заключается в том, что в ней отсутствует или, по крайней мере, очень слабо развито общество как самостоятельный и в определенной мере самодовлеющий феномен бытия страны. На Западе, помимо государства и народа, есть общество, которое, несмотря на то, что в него входят различные или даже противостоящие силы, в нужный момент способно выступить на исторической арене как мощная – вобравшая в себя преобладающую часть составляющих его членов – и более или менее единая сила, способная заставить считаться с собой и правительство, и население страны в целом.

Это утверждение, как нетрудно представить, вызовет возражения или даже недоумение, ибо не только у нас, но и на Западе считается, что именно для России характерна «общинность», «коллективизм», постоянно и ярко выражающиеся в непосредственных взаимоотношениях людей, между тем как люди Запада гораздо более сосредоточены на своих собственных, частных, личных интересах, им в гораздо большей степени присущ всякого рода «индивидуализм».

И суть дела в том, что общество, существующее в странах Запада, не только не противостоит частным, личным – в конечном счете, «эгоистическим» – интересам своих сочленов, но всецело исходит из них. Оно предстает как мощная сплоченная сила именно тогда, когда действия правительства или какой-либо части населения страны угрожают именно личным интересам большинства.

Так, например, в ходе начавшейся в 1964 году и продолжавшейся около десяти лет войны США в Индокитае американское общество пришло к выводу, что эта война не соответствует интересам его сочленов и в сущности бесперспективна, организовало массовые протесты и заставило власти прекратить ее.

Подобных примеров «побед» общества над правительством в странах Запада можно привести множество. При этом необходимо только ясно осознавать, что дело идет о чисто прагматических интересах сочленов общества; в начале упомянутой войны общество США (за исключением отдельных не очень значительных его сил) отнюдь не возражало против нее и позднее начало активно протестовать не из каких-либо идеологических (например, «гуманных» и т. п.) соображений, а потому, что война предстала в качестве «невыгодной» для населения США. Приведу еще один характерный пример. В 1958 году генерал де Голль был избран президентом Франции, а в 1965-м переизбран на второй семилетний срок. При нем страна во многом возродила свой статус великой державы, но именно из «прагматических» соображений считавшийся «отцом нации» де Голль был фактически свергнут французским обществом в ходе референ-

дума 28 апреля 1969 года (так, большинство населения требовало тогда сокращения рабочей недели до 40 часов, пенсионного возраста – до 60 лет и увеличения минимальной зарплаты до 1000 франков (см.: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1980, с. 473)).

Именно воля общества определяет на Западе деятельность парламентов и других избираемых институтов. Между тем уже упомянутый французский посол Палеолог утверждал, что в «самодержавной» России «вне царского строя... ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок» (цит. соч., с. 56). Это может показаться безосновательным диагнозом, ибо к 1917 году в России имелись и партии, и даже парламент – Государственная Дума, существовавшая с 1906 года. Но с западной точки зрения Палеолог все же вполне прав, ибо и Государственная Дума, и политические партии по сути дела выражали в себе волю не способного включить в себя большинство населения общества, а интеллигенции (вот в высшей степени показательный факт. Партия большевиков до 1917 года насчитывала максимум 8 тысяч членов, хотя она вроде бы была партией многочисленного рабочего класса. На деле ее составляла, в основном, интеллигенция. И поскольку не менее радикальная «интеллигенция» была многочисленнее, количество членов либеральной кадетской партии достигало тогда 100 тысяч членов, то есть в 12 раз больше, чем «пролетарская»...) – этого специфического российского феномена.

Сошлюсь в связи с этим на свое сочинение «Между государством и народом. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции» («Москва», 1998, № 6, с. 124–137), а здесь скажу только, что интеллигенцию России можно понять как явление, в известной степени аналогичное обществу Запада, но именно аналогичное, а по сути своей принципиально иное, – несмотря на то, что большинство интеллигенции вдохновлялось западными идеалами.

Интеллигенция – чисто российское явление; даже сам этот термин, хотя он исходит из латинского слова, заимствовался другими языками из русского. К интеллигенции нередко причисляют всех людей «умственного труда», но в действительности к ней принадлежат только те, кто так или иначе проявляют политическую и идеологическую активность (и, естественно, имеют живой и постоянный интерес к политике и т. п.); они действительно образуют своего рода общество внутри России. Но оно кардинально отличается от того общества, которое существует на Западе и в качестве сочленов которого в нужный момент выступает преобладающее или даже абсолютное большинство населения страны. Могут возразить, что мы, мол, еще «нагоним» Запад, и то меньшинство населения, которое являет собой интеллигенция, станет большинством.

Однако общество Запада – совершенно иное явление, чем наша интеллигенция; помимо прочего, принадлежность к нему ни в коей мере не подразумевает причастность к политике, идеологии и т. п., ибо, как же сказано, это общество основывается на сугубо частных, в конце концов, «эгоистических» интересах его сочленов, которые сплоченно выступают против каких-либо политических и т. п. тенденций лишь постольку, поскольку эти тенденции наносят или способны нанести ущерб их собственному, личному существованию.

Можно с полным основанием утверждать, что в России (по крайней мере, на сегодняшний день) создание общества западного типа немыслимо. Ибо ведь даже российское интеллигентское «общество» – при всем его пиетете перед Западом – всегда выдвигало на первый план не столько собственные интересы своих сочленов, сколько интересы народа (пусть по-разному понимаемые различными интеллигентскими течениями) – то есть имела, употребляя модный термин, совсем иной менталитет, чем общество Запада.

Правда, ныне есть идеологи, призывающие строить будущее на основе «эгоистических» интересов всех и каждого, но для этого пришлось бы превратить страну в нечто совершенно иное, чем она была и есть.

В силу уникальных (крайне неблагоприятных) географических и геополитических условий и изначальной многонациональности и, более того, «евразийства» (также уникального) Рос-

сии (об этом подробно говорилось в предыдущий главе моего сочинения. См. «Фактор» № 1/2000 г.) государство не могло не играть в ней столь же уникально громадной роли, – неизбежно подавляя при этом попытки создания общества западного типа, основанного на «частных» интересах его сочленов.

И «осуждение» «деспотической» государственности России, которым занимались и занимаются многие идеологи, едва ли основательно; тогда уж следует начать с осуждения тех наших древнейших предков, которые двенадцать столетий назад создали изначальный центр нашего государства – Ладогу (впоследствии Петр Великий построил поблизости от нее Петербург!) – не столь уже далеко от Северного полярного круга, а несколько позже основали другой центр – Киев около Степи, по которой народы Азии беспрепятственно двигались в пределы Руси...

* * *

Как представляется, «осуждать» исключительную роль государства в России бессмысленно: это положение вещей не «плохое» (хотя, конечно же, и не «хорошее»), а неизбежное. Вместе с тем нельзя не признать (и никакого «парадокса» здесь нет), что именно этой ролью нашего государства объясняются его стремительные крушения и в 1917-м, и в 1991 году.

Те лица, которые так или иначе руководили февральским переворотом 1917 года, полагали (это ясно из множества их позднейших признаний), что на их стороне выступит российское общество, которое после свержения «самодержавия» создаст новую любезную ему власть западного типа – с либеральным правительством, контролируемом парламентом и т. п. Но такого общества в России попросту не имелось, и вместо созидания нового порядка после Февраля начался хаос, который позднее был посредством беспощадного насилия прекращен гораздо более деспотичной, нежели предшествующая, имперская, властью, установленной в СССР.

Между прочим, прозорливый государственный деятель, член Государственного Совета П. Н. Дурново писал еще в феврале 1914 года, что в результате прихода к власти интеллигентской «оппозиции», полагавшей, что за ней – сила общества, «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию», ибо «за нашей оппозицией нет никого. Наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет».

Это со всей очевидностью подтвердила судьба Учредительного собрания: только четверть участников выборов отдала свои голоса большевикам, но когда последние в январе 1918 года «разогнали» это собрание, никакого сопротивления не последовало – то есть общество как реальная сила явно отсутствовало...

Обратимся к 1991 году. Подавляющее большинство населения СССР не желало его «раздела», – о чем неоспоримо говорят итоги референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года. В нем приняли участие почти три четверти взрослого населения страны, и 76 (!) % из них проголосовали за сохранение СССР.

Едва ли возможно со всей определенностью решить вопрос о том, почему это внушительнейшее большинство не желало распада страны, – в силу идеологической инерции или из-за понимания или хотя бы предчувствия тех утрат и бедствий, к которым приведет ликвидация великой державы. Но так или иначе ясно, что общества, способного проявить свою силу, в стране не было, ибо в августе 1991-го ГКЧП, чьи цели соответствовали итогам референдума, не получил никакой реальной поддержки, а «беловежское соглашение» декабря того же года не вызвало ни малейшего реального сопротивления...

В начале этого размышления речь шла об идеологах, которые считают существование СССР, непонятно каким образом продолжавшегося три четверти столетия, утопией; однако именно проект превращения России в страну западного типа является заведомо утопическим. Нынешние наши СМИ постоянно вещают о единственном, но якобы вполне реализованном в

России западном феномене – свободе слова. Есть основания согласиться, что с внешней точки зрения мы не только сравнялись, но даже превзошли в этом плане западные страны; так, СМИ постоянно и крайне резко «обличают» любых властных лиц, начиная с президента страны. Но слово, в отличие от Запада, не переходит в дело. Из-за отсутствия обладающего реальной силой общества эта свобода предстает как чисто формальная, как своего рода игра в свободу слова (правда, игра ведущая к весьма тяжелым и опасным последствиям, – к полнейшей дезориентации и растерянности населения). Возможно, мне возразят, указав на отдельные факты отставки тех или иных должностных лиц, подвергнутых ранее резкой критике в СМИ. Но едва ли есть основания связывать с этой критикой быструю (совершившуюся в продолжение немногим более года) смену четырех глав правительства страны (в 1998–1999 годах); для населения эти отставки были не более или даже, пожалуй, менее понятными, чем в свое время подобного рода отставки в СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.